

сессивная» семантика вполне может быть признана вторичной по отношению к значению 'скот', так как известные примеры семантического движения от одного к другому демонстрируют его обоюдонаправленность²⁹.

Р. Мароевич *

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ.

1 — 2

1. Форма *цсыни* в древнерусских летописях

В Картоотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (хранится в Институте русского языка АН СССР в Москве) зафиксированы два примера употребления слова *цсыни*, один в Лаврентьевской (ЛЛ), а другой в Ипатьевской (ЛИ) летописях.

Ирополкъ ходи на половецьскую землю. . . и приведе с собою *цсы* и жену полони собѣ *цсыню* ЛЛ 1377, л. 96 об. (1116) князь кыевьскыи стославъ всеволодичъ ожени в сна. за глѣба поа. рюриковноу. а за мьстислава *цсыню*. из володимера соуждальского. всеволожу свестъ ЛИ ок. 1425, л. 219 (1182).

На основании первого из приведенных примеров П. С. Кузнецов пытался объяснить слово *цсыни* как женский патроним (собственно притяжательное прилагательное в функции патронима) от иноязычного личного имени *цсы*: «Отличается от только что рассмотренного [образования типа *борисковна*. — Р. М.], хотя и связано с ним (и в то же время отличается от старого образования на *-j-* [типа *володимера*. — Р. М.], хотя имеет общее и с ним), единичное образование от иноязычного имени *цсы* — *цсыни*: и приведе с собою *цсы* и жену полони собѣ *цсыню* (л. 96 об.), т. е. 'дочь Цсы'; образование содержит *n*, как это имеет место в прилагательном притяжательном, обозначающем 'дочь такого-то', но *ь* здесь, после гласного, отсутствует этимологически, само же *n* выступает как *ñ*, напоминая образования с *j*. Форма от этого образования употреблена, как видим, именная»¹.

Насколько приемлема интерпретация П. С. Кузнецова? В ее поддержку можно было бы привести старославянские притяжательные прилагательные типа *Salañ* (см. заметку 2), которые как будто также образованы от полной формы иноязычного личного имени с помощью суффиксального элемента *-ñ*. Однако неубедительно приводить в качестве доказательства образования, которые в научной литературе отмечены как странные и искусственные, сами требующие специального объяснения. При этом, если гре-

²⁹ См.: Трубачев О. Н. «Молчать» и «таять»...

* © Marojević R., 1983 г.

¹ Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 160.

ческие и грецизированные *nomina propria*, от которых известны притяжательные прилагательные типа *Salaňь*, легко включались в старославянском в парадигму славянских *ā*-основ, то предполагаемое личное имя **Ясы* могло быть воспринято как несклоняемое, однако известно, что праславянский язык (и славянские языки на ранних этапах своего развития) имел строгую грамматическую систему, так что существительные иноязычного происхождения, включая и собственные личные имена, фонетически и морфологически адаптировались и включались в систему именного склонения. Исходить из несклоняемого личного имени **Ясы* значило бы, следовательно, фактически признать наличие в древнерусском языке несклоняемых существительных и возможность создания на их базе новых слов.

Затруднения вызывает и толкование П. С. Кузнецовым суффикса. Женские патронимы в древнерусском языке были весьма продуктивной категорией, для их образования был характерен суффикс *-ьна > -на²*. Предполагаемый женский патроним *тасына* был бы исключением, имеющим суффикс *-на* с *ń* палатальным, которое было бы трудно истолковать.

Судя по всему, объяснение форм *тасы* и *тасына* нужно искать в другом направлении.

По нашему мнению, форма *тасы* в Лаврентьевской летописи — форма винит. падежа мн. числа *ǫ*-основы **jasъ* со значением мужского этнонима, тогда как *тасыню* (в обеих летописях) — форма винит. п. ед. ч. женского этнонима *тасына*. Согласно этому, форма *тасына* образована присоединением продуктивного суффикса лица женского рода *-yni < -yni* к основе существительного **jasъ* подобно тому, как форма *грѣкына* 'гречанка' получена с помощью этого же суффикса от этнонима *грѣкъ*. Летописный отрывок 1116 года мы интерпретируем по-другому: Ярополк привел из Половецкой земли в качестве пленников какое-то число людей из племени, именуемого *ясы*, и привел себе в жены одну *тасыню*, женщину из этого племени.

Наше толкование поддерживается словообразовательным и семантическим анализом слов с корнем *jas-* в древнерусских памятниках.

1. Племя (или народность) *тасы* (в форме винит. п. мн. ч. *тасы*) упоминается в Новгородской (ЛН) и Лаврентьевской летописях в контексте, который недвусмысленно подтверждает, что речь идет об этнониме:

<придоша тазизи незнаемі ... а зовоуть та татары > многы страны поплѣниша. тасы. обезы касогы. и половчъ безбожьныхъ множество избиша ЛН XIII—XIV, л. 96 (1224) — ср. это место и в ЛЛ 1377, л. 153 (1223);

иде стославъ на козары ... одолѣ стославъ козаромъ ... тасы побѣди и касогы ЛЛ 1377, л. 19 (965)

² На эту тему предполагается публикация нашей статьи «Патронимы в системе посессивных категорий древнерусского языка».

2. От основы *jas-* с помощью сингулятивного суффикса *-inъ* образован мужской этноним *јасинъ*:

началникъ же оубицидамъ петръ кучковъ зать. аньбаль *јасинъ* ключни⁸. *јакымъ* кучковичъ ЛЛ 1377, л. 124 об. (1175) — ср. это место и в ЛИ ок. 1425, л. 207 (1175);

прииде амбаль ключникъ. *јасинъ* родомъ тотъ бо ключь держашеть оу всего дому княжа ЛИ ок. 1425, л. 208 об. (1175).

Соотношение *јасинъ* — *јаси* и со словообразовательной и с семантической точки зрения полностью соответствует соотношению *србин* — *срби* в сербохорватском языке.

3. С помощью суффикса *-ьскъ(ь)* от основы *jas-* образовано относительное прилагательное *јасьскыи*:

гарополкъ приведе собѣ жену красну велми. *јасьскаго* княза дочь ЛИ ок. 1425, л. 106 (1116).

В примере, взятом из Ипатьевской летописи, синтагма *јасьскаго* княза дочь употреблена вместо формы *јасьню*, представленной в Лаврентьевской летописи.

4. Засвидетельствован и женский этноним *јаска*:

перенесе блговѣрнага княгини олена. *јаска* княза своего гарополка. из гробницѣ. въ цркъвѣ стго андрѣя ЛИ ок. 1425, л. 118 (1145).

Этноним *јаска* вместо *јасына* (см. выше пример из ЛЛ 1377) отражает процесс вытеснения суффикса *-ыня* суффиксом *-ка* в кругу женских этнонимов⁸.

2. Старославянские притяжательные прилагательные типа *Salanъ*

Согласно исследованию М. Бродовской-Гоновской, в старославянских памятниках (Мариинском и Зографском евангелиях) засвидетельствованы четыре притяжательных прилагательных этого типа *Aviěnъ*, *Salanъ*, *Taranъ*, *Chuzanъ*. С словообразовательной точки зрения Бродовская-Гоновская характеризует эти примеры как прилагательные с суффиксом *-нъ*, полагая, что на образование этих «странных форм» могли оказать влияние, во-первых, притяжательные прилагательные типа *Solomonъ*, созданные путем присоединения суффикса *-ѣ* к личным именам, чья основа (без тематического гласного) оканчивалась на согласный *n*, и, во-вторых,

⁸ Считается, что ясы — предки современных осетин. Ср.: «ясы — осетины, народность на север. Кавказе и в бассейне Дона» (Дылевский Н. М., Еленский И. И. Сборник древнерусских текстов X—XVIII веков для практических занятий по исторической грамматике русского языка) (2-ое изд. София, 1966, с. 132). В книге «История СССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1966. Серия первая, т. 1, с. 599) на карте Восточной Европы конца XII — начала XIII вв. обозначены «аланы (ясы)». В книге Пашуто В. Т. «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968) асы (ясы), аланы и осетины указываются как отдельные народы (см. Географический указатель на с. 458, 465).

прилагательные на *inъ* и *-inъ*, которые также производились от неславянских личных имен⁴.

Ф. В. Мареш считает, что притяжательные прилагательные *Avijańb*, *Chuzajńb*, *Salańb* — нетипичные и искусственные образования, получившиеся присоединением суффикса *ń* к им. п. ед. ч. *ā*-основ *Avija*, *Chuzaj*, *Sala*⁵.

Словообразовательное членение притяжательных прилагательных типа *Salańb* на форму им. п. ед. ч. личного имени (*Sala*) и суффикс *-ńb* не соответствует способу образования славянских прилагательных, так как «согласно правилу прилагательные образуются от основ существительных, а от падежных форм — только в порядке исключения. Этим вторым способом создавались когда-то прилагательные только от форм род. и дат. падежей, т. е. от падежей, которые имели и притяжательное значение, всегда с помощью какого-либо структурального суффикса, и никогда, буквально никогда — от падежных форм ед. числа с помощью суффикса с реальным значением»⁶. Славянские притяжательные прилагательные образовывались двумя способами:

1. В кругу старых основ на *-ā*, *-ǫ*, *-i* суффикс притяжательности присоединен к основе без тематического гласного: *Jaroslavъ* — *Jaroslavъ* (< *Jaroslav-jъ*), *Petrъ* — *Petr-ovъ*, *gostъ* — *gost-inъ*, *Nikol-a* — *Nikolъ* (< *Nikol-jъ*) (прилагательное сохранено в названии религиозного праздника *Nikol'dan*). Прежние тематические гласные основы *-ā*, *-ǫ*, *-i* на славянской почве слились со старыми падежными окончаниями, в результате чего появились новые славянские падежные окончания или старые тематические гласные стали падежными окончаниями. В формах им. п. ед. ч. этих основ *a*, *ъ*, *ь* с точки зрения славянского языка — падежные окончания⁷.

2. В кругу старых основ на *-ǫ*, *-ā* и согласный посессивный суффикс присоединен к тому виду основы, который существительные имели в косвенных падежах (в род. и дат. как падежах принадлежности), т. е. к старой основе с показателем, но опять-таки к основе без падежного окончания: *synou-* — *synovъńb*, *volou-* — *volujъ* (< *volou-jъ*), *svekrъv-* — *svekrъvъńb*, *mater-* — *materъńb* (< *mater-jъ*), *materъńb*⁸.

Согласно этому, если исходить из законов суффиксального словообразования славянских притяжательных прилагательных, то старославянские посессивные прилагательные типа *Salańb* не могли быть произведены от формы им. п. ед. ч. личного имени типа *Sala* с помощью суффикса *-ńb*. Как же тогда они возникли?

⁴ Brodowska-Honowska M. Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków—Wrocław—Warszawa, 1960, 171—172.

⁵ Mareš F. V. K chronologii slovanských posesivních adjektiv staršího a mladšího typu (*Budeč—Budkov*) — Zpravodaj místopisné komise ČSAV. Praha, 1970, XI, č. 3, s. 350—351.

⁶ Бошковић Р. Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978, с. 364.

⁷ Бошковић Р. Оп. cit., с. 461—470.

⁸ Маројевић Р. Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развјутку и данас). Докторска дисертација. Београд, 1979, с. 21—123.

Можно было бы предположить, что прилагательные типа *Salańь* образованы от основы личного имени путем присоединения некоего суффикса *-ańь*. Этот предполагаемый посессивный суффикс *-ańь* мог сформироваться в результате переразложения, если бы прилагательные типа *Milańь*, образованные с помощью суффикса *-jь* от ласкательного имени *Milanъ*, вторично ассоциировались с ласкательными именами типа *Mila*. Хотя с точки зрения грамматики такое объяснение возможно, оно все же маловероятно, по меньшей мере, по двум основаниям: во-первых, насколько нам это известно, следов предполагаемого суффикса *-ańь* нет ни в современных славянских языках, ни в славянских исторических памятниках, и, во-вторых, суффикс *-ańь* мог бы появиться в случае, если бы ласкательные имена типа *Milanъ* исчезли из живого употребления, однако они являются жизнеспособной и продуктивной категорией (особенно в сербохорватском языке).

По нашему мнению, старославянские притяжательные прилагательные типа *Salańь*, возникли следующим образом. Греческие и грецизированные мужские собственные имена типа *Σαλά* включались, или могли включаться, в славянскую систему склонения и с помощью словообразовательной адаптации, т. е. как формы с суффиксальным сонантным элементом *n*. Такая суффиксальная адаптация была особенно удобна в случае, когда греческое имя было несклоняемым. Это значит, что греческие имена *Χουζᾶ*, *Ἀβιά*, *Θάρα*, *Σαλά* включались в славянскую систему — через призму языкового сознания первых переводчиков — в форме **Chuzanъ*, **Avijanъ*, **Taranъ*, **Salanъ*, которая является результатом суффиксальной адаптации по образцу славянских имен на *-nъ* типа сербохорватских *Milan* и *Mil'an*. От этих личных имен славянский писец-переводчик образовывал прилагательные как от имен на *-nъ*, т. е. с помощью суффикса *-jь*. Притяжательные прилагательные типа *Salańь*, по нашему мнению, возникли именно таким образом.

В подтверждение этого объяснения можно привести три аргумента.

1. Греческие и грецизированные имена собственные входили в старославянский язык с помощью не только фонетической и морфологической, но и словообразовательной адаптации, как показал Р. Йовичевич⁹. Так, грецизированное несклоняемое собственное имя мужского рода *Φαραώ* с необычным и для старославянского языка совершенно новым исходом *-aω* засвидетельствовано в Супрасльской рукописи один раз в дат. п. в форме *Faraōsu*, другой раз в местн. п. в форме *Faraōně*, что свидетельствует о том, что оно опиралось на известные славянские личные имена на *-sъ* и *-nъ*. Грецизированное мужское личное имя *Ἀβιά* вошло в старославянский язык (см. в Ассеманиевом евангелии) в облике *Aviađь*, основывающемся на известных славянских именах типа *Milad*¹⁰.

⁹ Jovičević R. Grčka i grečizirana nomina propria (njihovi morfološki i derivacioni likovi) u staroslovenskom jeziku. Beograd, 1978, с. 78—83.

¹⁰ Эти и другие примеры см. в указанной выше работе Р. Йовичевича.

Подобно тому, как греческое имя *Φαράβ* вошло в славянский (старославянский) ономастикон и систему склонения в форме *Fa-raonъ* с помощью словообразовательной адаптации, так, по нашему мнению, и греческие *nomina propria* типа *Σαλά* входили или могли входить в старославянский ономастикон и систему склонения суффиксально адаптированными по типу *δ*-основы *Salanъ*. Разница лишь в том, что от последних имен в старославянских памятниках засвидетельствованы только притяжательные прилагательные с суффиксом *-jъ*¹¹.

2. Вышеприведенное толкование косвенно подтверждается существованием в сербохорватском языке в кругу личных мужских имен дублетов *Toma — Toman*¹², *Sava — Savan*¹³, *Luka — Lukan*¹⁴. Эта словообразовательная адаптация греческих и грецизированных личных имен опиралась на славянские мужские личные ласкательные имена, во множестве представленные в сербохорватском языке (*Mil'a — Mil'an*, *Mila — Milan*, *Mira — Miran*¹⁵ и др.).

3. И до сих пор в живом сербохорватском языке отмечается такое явление, когда языковое сознание включает мужские ласкательные формы типа *Vuki* (в литературном языке: им. п. *Vuki*, род. п. *Vukija*, дат. п. *Vukiju*...) в систему склонения в форме *Vukin*: им. п. *Vukin*, род. п. *Vukina*, дат. п. *Vukinu* и т. д.¹⁶ Это значит, что ласкательное имя *Vuki* вводится в именное склонение путем присоединения сонанта *n*, т. е. путем суффиксальной адаптации по образцу имен на *-in*.

Авторизованный перевод с сербохорватского *И. П. Петлевой*.

¹¹ Личное имя *'Αβιά*, как мы видели, засвидетельствовано в Ассеманиевом евангелии в облике *Aviadъ*, появившемся также в результате аналогичной словообразовательной адаптации по образцу имен на *-dъ*. В Саввиной книге это грецизированное имя отмечено в форме *Avidъ*, опирающейся на известные славянские *nomina propria* типа *Snovid* (см. *Jovičević R. Op. cit.*, с. 79).

¹² Мужское имя *Toman* впервые зафиксировано в памятнике 1460 г. (см. *RJA XVIII*, с. 456).

¹³ Мужское имя *Savan* не засвидетельствовано, однако на его бывшее существование указывают как топонимы *Savanova voda*, *Savanovac* и *Savanovići*, так и фамилия *Savanović* (*RJA XIV*, с. 725).

¹⁴ Мужское имя *Lukan* отмечено в старом сербском памятнике 1253 г., и от него образовано притяжательное прилагательное в топонимах *Lukača*, ж. р., *Lukače* ж. р. мн. ч., *Lukače brdo*, ср. р. (см. *RJA VI*, с. 208).

¹⁵ Случаи фиксации этих имен см. в *RJA*.

¹⁶ Таковую словообразовательную адаптацию ласкательного имени *Vuki*, как и клички пса *Viki*, я зарегистрировал в селе Мораково в Черногории.